

А. В. САХАРОВА

**СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПАРАМЕТРЫ
УПОТРЕБЛЕНИЯ КРАТКИХ ПРИЧАСТИЙ В РУССКОЙ
ЛЕТОПИСИ ДЛЯ НЕКОТОРЫХ КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ**

Введение

Функционирование причастий в средневековых восточнославянских текстах — одна из тех тем, которым традиционно уделяется внимание в русистике¹. Но при этом внимание исследователей привлекали обычно морфо-сintаксические параметры употребления кратких причастий — особенно в тех случаях, когда не действовали традиционные синтаксические ограничения на их употребление. (Ведь в «гибридных», соединяющих восточнославянские и церковнославянские элементы, текстах были возможны такие употребления кратких причастий в именительном падеже, когда не обнаруживалось никакого финитного глагола с тем же субъектом, от которого причастие можно было бы считать зависимым. Точно так же в восточнославянских текстах не действовало и церковнославянское синтаксическое ограничение на употребление дательного самостоятельного (несовпадение субъектов оборота и финитного глагола) [Потебня 1958; Белоруссов 1899; Истрина 1923; Борковский 1949; Večerka 1961; Борковский, Кузнецов 1965; Лопатина 1978; Сабенина 1978; Алексеев 1987].

Однако никем не исследовалось, как именно происходил выбор между причастием (деепричастием) и личным глаголом. Настоящая же статья продолжает цикл публикаций [Сахарова 2005; 2007а; 2007б; 2011], где описываются сами критерии распределения глагольных форм на личные и причастные в русской летописи для определенных глагольных лексем. В данной статье мы рассматриваем детально, как выбор между финитной и причастной конструкциями осуществляется в Новгородской первой лето-

¹ Уже для раннедревнерусского периода данные формы терминологически некорректно называть причастиями, так как они почти не использовались в качестве синтаксических определений [Зализняк 2004: 134, 184—185]. Таким образом, правильнее было бы говорить о деепричастиях, но в русистике давно сложилась традиция использовать термин краткое причастие (видимо, потому, что согласование в некоторых текстах форма сохраняла), и в данной работе не будем ее нарушать.

писи по Комиссионному списку по изданию [НПЛ 1950] для нескольких глаголов — каузативов от глаголов движения (*посылати, присылати, посадити, оставити*). Выясняется, как в различных контекстах переднего и заднего плана употребляются конструкции с этими глаголами (личные формы, обороты с ш- и щ-причастиями, оформленные именительным и дательным падежами). Мы отдали предпочтение этому памятнику перед более древней НПЛ старшего извода, поскольку он больше по объему и более приспособлен для статистического анализа. Текстологическая неоднородность памятника в данном исследовании приниматься во внимание не будет. Специально не исследуются также и расхождения в употреблении причастных форм между Комиссионным и другими списками НПЛ (и вообще редакциями вошедших в состав НПЛ текстов).

Изложение в этой статье, так же как и в предыдущих работах этого цикла, строится следующим образом: все употребления глагольной лексемы мы классифицируем по синтаксическим и pragматическим (связанным с признаками заднего плана повествования) параметрам и отмечаем, какие причастные или личные конструкции и в каком количестве в каждом контексте употребляются.

Напомним теперь, что подразумевается под задним планом (фоном) повествования. Подчиненные предикативные единицы в дискурсе служат для выражения менее важной информации [Lakoff 1984; Reinhart 1984; Tomlin 1985; 1986; Matthiesen Thompson 1988]. Цель нарратива — рассказать об определенных изменениях действительности в той последовательности, в которой они происходили. Поэтому передний план в нарративе определяется как цепочка предикаций, описывающих происходившие одно за другим события [Hopper 1979; Dry 1981; 1983 (цит. по [Wårvik 1994, 29]); Fleischmann 1985]. В таком случае простейший критерий деления предикаций нарратива на переднеплановые и фоновые — аспектуальный: предикации, обозначающие ситуации, одновременные событиям основной цепочки (и вообще хронологически на них накладывающиеся), относятся к фону повествования. К нарративной последовательности не принято также относить предикации, представляющие собой pragматические презумпции (о pragматической презумпции см. [Падучева 2001: 57—60; 1996: 235]), которые привязывают новую информацию к тому, о чем уже говорилось [Givon 1984: 251; Wårvik 1994: 252]. Предикации, которые не удовлетворяют сформулированным условиям второстепенности, относятся к нарративной цепочке [Dry 1981; 1983, цит. по Wårvik 1994: 29].

Переднеплановость может также трактоваться как неожиданность, нестереотипность ситуации, т. е. как pragматическая характеристика предикативной единицы [Polanyi, Hopper 1981], см. также [Fleischmann 1985; Chafe 1987]. Ожидаемой и, следовательно, менее выделенной pragматически оказывается информация о стереотипных последовательностях ситуаций. Финитные предикации в таком случае принято считать более pragmatically выделенными по сравнению с нефинитными.

Употребление причастий в летописи нередко было обусловлено фактами именно такого плана, хотя некоторые закономерности употребления причастий и не были связаны с описываемыми прагматическими параметрами [Сахарова 2010].

Посылати

Этот глагол в некоторых значениях («сделать так, чтобы кто-то отправился в путь») можно рассматривать как каузатив от *ити* или *поити*, хотя объект его может быть и неодушевленным [Сл. ДРЯ XI—XIV вв., 7: 321].

Во всех употреблениях финитные и причастные формы исследуемого глагола принадлежат нарративной последовательности. Рассмотрим подробно только те контексты, где *посылати* принадлежит ее фрагменту, относящемуся к одному подлежащему, и обозначает там не последнюю ситуацию (так как причастные формы данного глагола появляются только в них, т. е. самостоятельных оборотов с этим глаголом в исследуемом тексте нет).

Причастия исследуемого глагола могут употребляться только тогда, когда адресат, к которому пришли посланные, является участником следующей ситуации.

При этом речь может идти о передаче словесного послания. Такие контексты довольно многочисленны, но только в двух случаях при этом употребляется его ш-причастие (в сочетании с финитной формой глагола *речи*):

…людие киевъстѣ прибѣгоща Кыеву, и створиша вѣче на торговици, и рѣша, пославше къ князю: «се Половци розошлѣся по земли; да вдаи, княже, оружие и конѣ, и еще биемся с ними» (6576);

Янь же, испытавъ, чья еста смерда, и увѣдавши ясно, яко суть князя Святослава, и сице пославши к ним, и рече иже суть около двою кудесникъ: «выдаите ми волхва та сѣмо» (6579).

Оба примера, между прочим, находятся в близких погодных статьях Начальной летописи.

В остальных случаях (31 пример) в контекстах такого рода используются финитные формы (сопровождаемые причастием глагола с речевым значением, вводящим саму прямую речь):

В се же время пришла бѣ вѣсть къ Ярославу от Передславы о отни смерти, и послала Ярославъ къ Глѣбу, глаголя: «отецъ ти умерль. а брат ти убиенъ от Святополка» (6523);

Заутра же видѣша людие бѣжавша князя, възвратиша къ Кыеву и створише вѣче посланша къ Святославу и ко Всеволоду, глаголюще: «мы уже зло створилѣ есмы, князя своего прогнавше; а се ведеть на нас Лятьскую землю» (6577);

Того же лѣта поиде князь Михаиль в Черниговъ... а сына своего Гостислава оставил в Новѣградѣ. «А мнѣ, рече, дай Богъ исправити вся правда новгородчкая, тоже от вас поиму сына своего». и послалъ къ Ярославу Иѣздѣлу Прокопиницу, Иванка Тудоркова, сице рекъ: «отстутнія Волока, что есть новгородчкая волость за тобою» (6737);

Того же лѣта послал Романъ Вячеслава, веля ему Рюрика постриги в черници. (6711); и т. д.²

Еще в 13 случаях в похожих контекстах глагол *посылати* вообще не сопровождается причастием речевого глагола, т. е. прямая речь идет сразу вслед за ним. Такого рода способ оформления этого ситуационного контекста возможен только в более поздней части исследуемой летописи (первое употребление — в статье 6712 года в повести о взятии Царьграда):

Муръчиофль же послал к Николѣ и къ людемъ въ святую Софію: «язъ яль ворога вашего Исаковица, язъ вашъ цесарь; а Николѣ даю прѣвыши въ боярех, сложи съ себе вѣнецъ» (6712, повесть о взятии Цареграда);

И ста Ярославъ и Юрьи с братьино на рѣкѣ Хѣ; Мѣстиславъ же и Константино и два Володимира с новгородци сташа на рѣкѣ Липицѣ; и узрѣша полки стояща, и послала Лариона съчкаго къ Юрью: «кланяемъ ти ся; нѣту намъ с тобою обиды, съ Ярославомъ намъ обида (6723);

И сѣдѣша мѣсяцъ в Горжьку, город утвердивше, а ко князю послана прежде того Кузьму Твердиславля из Новагорода с жалобами: «еице не сѣд у насъ на княжении, а уже боярѣ твои дѣютъ силно» (6848) и т. д.

Таких примеров слишком много, чтобы их можно было трактовать просто как случайные пропуски причастий глаголя или рекъ. Здесь мы имеем дело с одним из характерных для летописного языка переосмыслений церковнославянского узуса. В словаре Срезневского вообще особо выделено употребление данного глагола как вербального в значении «обратиться со словами» [Срезневский 1903, 2: 1277] и приводятся его примеры именно такого типа. Но такое выделение не совсем корректно, поскольку подобное употребление аориста *посылати* было ограничено наличием последующей прямой речи.

Рассмотрим теперь контексты, где речь не идет о передаче адресату какого-либо словесного послания, но адресат все равно является участником следующей ситуации. Таких контекстов в тексте в целом меньше, но в них

² Отмечалось, что описание вербальных ситуаций при помощи сочетания глагола в личной форме с причастием другого вербального глагола было приметой книжного языка, так как оно было характерно для текста греческого и, следовательно, церковнославянского Евангелия [Успенский 2002: 255]. К подобным типовым случаям следует отнести и это сочетание аориста глагола *посылати* с причастием вербального глагола.

процент причастных употреблений оказывается больше. Есть три причастных примера:

...«аще ли хощеши то разно испытати, то имаши у себе мужи; пославъ, испытаи их когождо службу» (6495);

И пославъ, нача отъимати у нарочитои чадѣ дѣти и давати на учение книжное (6496);

Посемь же Володимиру живущу въ законѣ крестиянѣстѣ, помысли создати церковь святыя Богородица; и пославъ, приведе мастера от Грикъ (6499).

Им соответствуют девять финитных:

Хотяющу ити на Ярослава Володимириу, Ярославъ же посла за море, приведе Варяги, бояся отца своего; ны Богъ не дасть диаволу радости (6523);

Тогда же послаша владыку Нифонта с передними мужи къ Юрьеви по сынъ, и введоша Мъстислава, сына Юрьева, генваря въ 30 (6662);

Князъ же того не послуша и поиша прочь. и послаша владыку с вятиими мужи с молбою, и вспятиша его с Броньници (6777);

И видѣ князь Михаило грядущу силу новгородчкую на ся, и послалъ къ князю великому владыку Еуфимиа, а дая ся въ всю волю великому князю (6883) и т. д.

Во всех таких случаях нельзя прямо сказать, что две ситуации (посланье вестника и следующая) сочетаются ожидаемым образом, так как следующая ситуация не принадлежит к какому-то одному типу, но их явно связывает наличие общего участника.

В таком контексте, где такой связи нет, т. е. тот, к кому пришли посланные, не является участником следующей ситуации, употребляются только финитные формы. Всего есть 23 таких примера:

Того же лѣта послаша послове за море въ Доньскую землю, привезоша миръ доконцаше (6810);

...«пошли к нему дары, искусимъ его: любезнивъ ли есть злату и паволокамъ». Послаша к нему злато и паволокы и мужа мудра, и рѣша ему: «глядаи взора его и лица его и смысла его» (6479);

Того же лѣта ходи Всеволод на Рязань и рече имъ: «поидите ко мнѣ съ сыномъ моимъ Ярославомъ за Оку на рядъ»; и переиодаша к нему, и ту я изъима, и послалъ полки и изъма жены и дѣти, а град их зажъже (6718);

...тогда же даша посадничество Дмитру Якунию. и послалъ князь Мъстиславъ Дмитра посадника на Луки с новгородци город ставити, а самъ иде на Торжокъ (6719);

Князь Андрѣи послы посадника ис Торъжку в Новъгород, а самъ иде на Низовъскую землю (6802) и т. д.

Только в одном случае в таком контексте мы встречаем не правильный аорист, а форму *пославша* (появившуюся, видимо, в результате контаминации аориста и ш-причастия или влияния предшествующего аориста), причем при союзе, имеющем противопоставительное значение:

Чюдъ же начаша слати с поклономъ лестию, а по Нѣмѣ пославша; и начаша новгородци гадати съ плесковици на чюдьской рѣкѣ (6725).

Если трактовать эту форму как финитную, то получится, что причастных употреблений данного глагола вообще не бывает в контексте, где ситуация связана со следующей только тем, что имеет общего участника-подлежащее.

Статистика для глагола показана в табл. 1.

Таблица 1

**Статистика употреблений причастных оборотов и финитных форм
для глагола *посылати* (предикация принадлежит фрагменту
нarrативной последовательности, относящемуся к одному подлежащему,
и обозначает в нем не последнюю ситуацию)**

Предикация	Ш-пр.	ДС с ш-пр.	Фин.
Адресат послания — участник следующей ситуации, послание словесное	2 (5 %)		31 (95 %)
Адресат послания — участник следующей ситуации; послание не словесное	3 (23 %)		9 (77 %)
Адресат послания не есть участник следующей ситуации; послание не словесное	1(?)		23

Присылати

Этот глагол в некоторых его значениях ('сделать так, чтобы кто-то пришел') можно рассматривать как каузатив от *прити*, но круг его значений несколько шире, объект его может быть и неодушевленным [Сл. РЯ XI—XVII вв., 20: 15].

Так же, как и у *посылати*, во всех употреблениях финитные и причастные формы исследуемого глагола принадлежат нарративной последовательности. Рассмотрим только те контексты, где данный глагол принадлежит ее фрагменту, относящемуся к одному подлежащему, и обозначает в нем не самую последнюю ситуацию (так как причастные формы появляются только в них, т. е. самостоятельных оборотов с этим глаголом в тексте нет).

Рассмотрим сначала случаи, когда адресат, к которому пришли посланные, является участником и следующей ситуации.

При этом, когда речь идет о передаче словесного послания, используются только финитные формы. Всего есть 15 таких примеров, где финитная форма сопровождается причастием глагола с речевым значением, вводящим саму речь:

Посемъ же прислаша Грѣци къ Володимеру Философа, сице глаголюще: «слышахом, яко приходилъ суть Болгаре, учаще тя прияти вѣру свою, ихже вѣра оскверняет небо и землю» (6494);

...бѣ послать къ цесарю татарскому Ратибора, помоци прося на Новъгород. и се учювъ князь Василий Ярославлицъ, присла послы в Новъгород, рекъ тако: «кланяюся святѣ Софїи, и мужесмъ новгородцомъ» (6776);

...Магнуш король свѣйскыи прислать к новгородцом рекъ: «пошлите на сѣвѣръ свои философы, дажь поговорят про вѣру» (6856);

Князь Витовтъ Литовъскыи Кестутьевич присла в Новъгород възметную грамоту, рекъ тако. «обеществовалъ мя есте, что было вам за мене нятися...» (6907).

Совершенно так же, как и глагол *посылати*, этот глагол мог переосмысляться позднейшими книжниками как вводящий прямую речь сам, без причастий рекъ или глаголя. (И точно так же, как и для *посылати*, на этом основании выделяли употребление глагола в значении «обратиться (со словами)» [Срезневский 1903, 2: 1277].) Таких примеров 17:

Тогда же се увѣдавше Татарове, яко идуть рускыи князи противу имъ, и прислаша послы къ рускым княземъ: «се слышимъ, яко идете противу нас, послушавше Половецъ» (6732);

Того же лѣта прислаша Нѣмци с поклономъ: «безъ князя что есмѧ зашли Водъ, Лугу, Плесковъ, Лотыголу мечем, того ся всего отступаемъ» (6750);

Того же лѣта князь великии московъскыи възверже нелюбье на князя Дмитрея Юрьевича и погонися по немъ; и онъ отбѣжа в новгородчкыи Бѣжичкыи верхъ, и много волостемъ пакости учини; и присла в Новъгород посолъ: «что бы есте мене приялъ на своей волѣ». Новгородцы же отвѣщаша ... (6950) и т. д.

Рассмотрим теперь контексты, где никакой вербальной ситуации нет, хотя адресат, к кому пришли посланные, является участником следующей ситуации. При этом употребляется только ш-причастие (как препозитивно, так и в постпозиции):

В томъ же лѣтѣ приславъ Всеволод выведе свояка своего из Новагорода Ярослава Володимирица, негодовахутъ бо ему новгородци (6692);

Того же лѣта выиде князь великии Юрьи из Орды с Татары и со всею Низовъскою землею и поиде къ Тѣбрьи на князя Михаила. И, приславъ Телебегу, и позва новгородцовъ; и они, приихавше в Торжекъ, и докончиша съ княземъ Михаиломъ, како не вѣступatisя ни по одиномъ (6826);

Ходи князь великий Иванъ в Орду; его же думою приславше Татарове, позваша Александра и Василья Давыдовица Ярославьскаго (6847);

Того же лѣта, мѣсяца августа 22, князь тферъскыи Борисъ, приславъ своихъ воевод на Торжокъ, остановъ людей разгна и пограби, а иныхъ погуби (6953)…

Всего таких примеров шесть. Таким образом, данный глагол, в отличие от *посылати*, в таком контексте всегда оформляется причастно. Возможно, это мотивируется тем, что, в отличие от *посылати*, *присылати* обозначает действие как достигшее результата и поэтому более связанное с адресатом.

В таком же контексте, где тот, к кому прибыли посланные, никак не является участником следующей описываемой ситуации (и, таким образом, обе предикации связаны только тем, что имеют общее подлежащее), глагол *присылати*, так же как и *посылати*, оформляется финитно. Всего есть девять подобных примеров:

Идоша мужи с посадникомъ и с Михалкомъ ко Всеволоду; и прия их с великою честью и вда имъ сына Святослава; а в Новъгород присла, сдумавъ с посадникомъ и с новгородци, и введе въ епискупю Митрофана, Богомъ избрана (6707);

Того же лѣта поиде князь Ярославъ на Торжокъ понявши съ собою Твердислава Михаиловича, Микифора, Полюда, Сбыслава, Семеона, Олексу, и много боляръ, и одаривъ, присла въ Новъгород; а самъ сѣде на Торжьку (6723);

Того же лѣта присла князь Иванъ Даниловичъ намѣстники свои в Новъгород, а самъ иде в Орду (6835);

Тои же осени пришедши Нѣмцѣ у Ямѣ города посад пожъгоша и берегъ повоеваша, а в Новъгород прислаша: «мы вас не воюемъ, а воюеть васъ князь Григории изъ заморья Клевьскыи про своего проводника Итолка Ругодивца»; а то все лгаша Нѣмци (6952) и т. д.

Статистика для глагола показана в табл. 2.

Таблица 2

**Статистика употреблений причастных оборотов и финитных форм
для глагола *присылати* (предикация принадлежит фрагменту
нarrативной последовательности, относящемуся к одному подлежащему,
и обозначает в нем не последнюю ситуацию)**

Предикация	Ш-пр.	ДС с ш-пр.	Фин.
Адресат послания — участник следующей ситуации; послание словесное			15
Адресат — участник следующей ситуации; послание не словесное	6		
Адресат не есть участник следующей ситуации; послание не словесное			9

Оставити

Этот глагол может рассматриваться с некоторой натяжкой как каузатив от *стояти* и употребляется в исследуемой летописи в переносных значениях («заставить пребывать») (круг его значений мог быть и шире [Срезневский 1903, 2: 736 и далее; Сл. ДРЯ XI—XIV вв., 6: 178]).

Во всех употреблениях финитные и причастные формы исследуемого глагола принадлежат нарративной последовательности. Рассмотрим только те контексты, где данный глагол во фрагменте, относящемся к одному подлежащему, обозначает не последнюю ситуацию (так как причастные формы появляются только в них).

Наиболее характерен для глагола *оставити* такой контекст, где он обозначает ситуацию, предшествующую ситуации движения субъекта (удаления из того места, где кто-то оставлен), и имеет значение «оставить вместо себя, на своей должности» (две ситуации при этом оказываются связаны достаточно закономерным, ожидаемым образом). Именно в таких типовых контекстах оказывается возможным употребление причастий. Примеров всего пять:

...введоша Ростислава Мъстиславича. и сѣдивши лѣто одино, иде в Рѹсь, оставилъ Давыда, сына своего; и тому показаша путь по немъ (6496);

Иде Ростиславъ из Новагорода Кыеву на столъ, оставилъ сына Давыда Новегородѣ (6662);

Поиде Мъстиславъ къ Киеvu, оставилъ княгиню в Новѣгородѣ и сына своего Василья; и поя съ собою Юрья Иванковица (6725);

Поиде князь великии Юрьи из Новаграда, позванъ въ Орду от цесаря, марта въ 15, в суботу Лазареву, оставилъ в Новѣгородѣ брата своего Афанасия (6823);

А в то время Магнушъ король взя Орѣховец на Спасовъ день Авраама же и Кузму и иныхъ бояръ 8 взяль к собѣ, а иныхъ всѣхъ пустиль из городка, а самъ поиде от городка прочь, а в Орѣховѣ оставилъ рать (6856).

В трех случаях мы встречаем в этом контексте финитные формы:

Тогда же Ярославъ поиде съ княгинею из Новагорода къ Переяславлю, а в Новѣградѣ оставилъ 2 сына своя, Федора и Александра, с Федоромъ Даниловицем и с тиуномъ Якимомъ (6736);

Того же лѣта поиде князь Михаиль в Черниговъ къ братыи, поимя съ собою новгородцовъ: Богуслава Гориславича, Сбыслава Якуновича, Домаша Твердиславича, Глѣба, посадница сына, Михалка Микифоровича, Михаля Прикупова; а сына своего Гостислава оставилъ в Новѣградѣ. «А мнѣ, рече, дай Богъ исправити вся правда новгородчкая, тоже от вас поиму сына своего» (6737);

Того же лѣта, на зиму, иде князь Ярославъ въ Володимиръ, и оттоле иде въ Орду, а въ Новѣгородѣ оставилъ Андрѣа Воротиславица, а плесковицемъ да князя Аигуста (6778).

(В таком контексте предикатия с *оставити* оказывается всегда в постпозиции — и при причастном, и при финитном оформлении.)

В некоторых редких контекстах, где следующая ситуация — движение (удаление) субъекта, исследуемый глагол не имеет значения «оставить вместо себя, на своей должности». Есть один такой пример, где употреблена финитная форма:

...«Всеславъ ти бѣжалъ; а ты не води Ляховъ къ Кыеву, противна ти нѣту; аще ли хощеши гнѣвъ имѣти погубити град, то вѣси, яко намъ жаль ти есть отня стола». То слышавъ Изяславъ, оставилъ Ляхы, поиде с Болеславомъ, мало Ляховъ поимъ; послѣ же пред собою сына своего Мѣстислава къ Кыеву (6577).

А в другом случае при этом употребляется причастие:

Михаилъ рече имъ: «не достоинъ крестияномъ сквозѣ огнь ходити и кланятися идоломъ»... Они же оставивши ихъ на мѣстѣ, идѣже бѣста приведена, идоша повѣдати цесарю Батыю (6753).

(Впрочем, такой контекст настолько малочастотен, что о закономерностях для него ничего нельзя сказать.)

Исследуемый глагол также может реже употребляться в таких контекстах, где следующая за ним ситуация не является движением, а сам он может значить как «оставить себе», так и «оставить другому». При этом глагол всегда оформляется финитно:

Князь же Наримантъ бяше въ Литвѣ, и много посылаша по него, и не побѣха, нѣ и сына своего выведе изъ Орѣхового, именемъ Александра, токмо намѣстьникъ свои оставилъ (6846);

...веде Володимиръ съ Мѣстиславомъ вся боярѣ новгородчкыя къ Кыеву, и заводи я къ честному кресту, и пущи ихъ домовъ, а иныя у себѣ остави; и разгнѣвася на ты, оже ты грабилъ Даньслава и Ноздрьчю, и на сочкаго на Ставра, и заточи я вся (6626);

...явися знаменіе въ Плесковѣ у святого Иоанна въ манастири, от иконы святого Спаса над гробомъ княгининымъ Ярославлѣи Володимирица, южсе уби свои пасынокъ въ Медвѣжии головѣ: иде миро от иконы по 12 днии, и наайде 4 вощаниѣ яко въ стѣкланицю; и привезоша въ Новѣгород 2 на благословеніе, а въ Плесковѣ оставилши ю собѣ дѣвѣ (6751);

И стояша 3 дни и 3 нощи, волость трущѣ, села великая пожгоша, обилье все потратиша, а скота не оставилши ни рога; и потомъ идуще, взяша Кавгалу рѣку, Перну рѣку, и выидаша на море, и приидаша здрави въ Новѣгород (6819).

Статистика для глагола показана в табл. 3.

Таблица 3

**Статистика употреблений причастных оборотов и финитных форм
для глагола *оставити* (предикатия принадлежит фрагменту
нарративной последовательности, относящемуся к одному подлежащему,
и обозначает в нем не последнюю ситуацию)**

Предикатия	Ш-пр.	ДС с ш-пр.	Фин.
Следующая ситуация — движение (удаление) субъекта; значение глагола — «оставить вместо себя»	5 (63 %)		3 (37 %)
Следующая ситуация — движение (удаление) субъекта; значение глагола не есть «оставить вместо себя»	1		1
Следующая ситуация не есть движение (удаление) субъекта			4

Посадити

Этот глагол в его употреблениях в НПЛ может рассматриваться как каузатив от *сѣдѣти* и употребляется в исследуемом тексте только в переносных значениях («сделать правителем») [Срезневский 1903, т. 2: 1227 и далее; Сл. ДРЯ XI—XIV вв., 7: 237].

Рассмотрим только те контексты, где глагол *посадити* является не последним в цепочке, относящейся к одному подлежащему (так как причастные формы данного глагола появляются только в них).

Есть только одна предикатия с исследуемым глаголом (она находится не в нарративном контексте, а в прямой речи: в повелении римского папы или императора крестоносцам), которая может трактоваться как фоновая отсылка назад. Но предикатии, к которой она отсылает, ни в одном списке НПЛ нет (повеление папы или императора посадить претендента на престол могло в данном контексте просто подразумеваться автором повествования, но первые издатели НПЛ предполагали, что оно вообще могло быть и механически пропущено вместе с целым фрагментом текста):

Цесарь нѣмечьки посла к патѣ в Римъ, и тако увѣчаста, яко не воевати на Цесарьград, нь якоже рече Исакович: «всъ град Костянтинъ хотять моего царства». «[Пропуск?] Такоже посадиць его на престолѣ, поидѣте же къ Иерусалиму в помоцу; не восхотят ли его, а ведете опять ко мнѣ» (6712, повесть о взятии Цареграда).

Для таких случаев употребление кратких причастий вполне типично и даже предпочтительно, особенно для глаголов движения [Сахарова 2011].

Во всех остальных употреблениях финитные и причастные формы исследуемого глагола принадлежат нарративной последовательности.

Наиболее характерен для этого глагола, так же как и для *оставити*, такой контекст, где он обозначает ситуацию, предшествующую ситуации движения (а точнее, удаления субъекта), и имеет значение «оставить вместо себя, на своем месте». Две ситуации — оставить править вместо себя и уйти — при этом оказываются связанными ожидаемым образом. В таком контексте глагол может оформляться причастно, таких примеров всего три:

...и опять Ярославъ Всеволодиць; и опять Михаило Всеволодиць; и посадивъ сына своего Ростислава на столѣ, а самъ Чернигову (6497, список князей);

...почаша ъздити оканини по улицамъ, пишиюще домы крестиянъскыя... и отъихаша оканини, вземие число, а князь Александръ послѣ поиша, а сына своего Дмитрия посадивъ на столѣ (6767);

...поставиша город надъ Невою на усть Охты рѣкы, и утвердиша твердостию несказанною, поставиша в немъ порокы, похвалившеся оканинѣ, и нарекоша его Вѣнецъ земли, бѣ бо с ними намѣстьникъ королевъ именемъ Маскалко; и посадивше в немъ мужи нарочитыя с воеводою Стѣнемъ, и отыдоша (6808).

В семи случаях мы встречаем в этом контексте финитные формы:

Святославъ же пришед Тмютороканю и посади пакы сына своего Глѣба, възратися опять (6573);

Иде Мѣстиславъ въ Киевъ на столъ из Новагорода марта въ 17; а сына посади в Новѣгородѣ Всеволода на столѣ (6625);

Тогда же поиде князь на Низъ, поим послы новгородчкыя Елеуферья и Михаила Пинещинца, а сына своего Василья посади на столѣ (6764);

Олгердъ же повелѣ крестити сына своего, и наркоша имя ему въ святомъ крещении Андрѣи, и посади его въ Плесковѣ, а самъ поѣха в Литву (6850).

(Отметим, что и при причастном и при финитном оформлении возможна инверсия предикации.)

Еще в 13 случаях глагол *посадити* употребляется в таких контекстах, где следующая ситуация не является ситуацией движения. При этом глагол всегда оформляется финитно:

Слыши же се Володимиръ в Новѣгородѣ, яко уби Ярополкъ Олга, и убоявъся бѣжа за море. а Ярополкъ посади посадники в Новѣгородѣ; и бѣ владѣя единъ в Руси (6485);

Того же лѣта вниде самъ в Новъгород, бивъся съ строем своимъ Михалкомъ, и сѣде в Новѣгородѣ; а Михалко сѣде в Володимирѣ, а брата своего Всеволода посади в Переяславли (6683);

Выведоша новгородцы ис Плескова Ярослава Ярославича и посадиша его на столѣ, а Василья выгнаша вонъ (6763);

Того же лѣта присла князь великии Дмитрии свои послове намѣстники; и посадиша намѣстники княжии у себе новгородци, и суд имъ даша (6868).

В этих случаях, как можно видеть, предикация с исследуемым глаголом не является прагматически невыделенной.

Статистика для глагола показана в табл. 4.

Таблица 4

Статистика употреблений причастных оборотов и финитных форм для глагола *посадити* (предикация принадлежит цепочке, относящейся к одному подлежащему, и обозначает в ней не последнюю ситуацию)

Предикация	Ш-пр.	ДС с ш-пр.	Фин.
Фоновая отсылка назад	1 (?)		
Принадлежит нарративной последовательности; следующая ситуация — движение (удаление) субъекта	3 (37 %)		9 (63 %)
Принадлежит нарративной последовательности; следующая ситуация не есть движение (удаление) субъекта			13

Таким образом, можно заключить, что для исследованных глаголов использование в летописи конструкций с краткими причастиями, как правило, обусловлено дискурсивными критериями второстепенности — ожидаемой сочетаемостью ситуаций, их более тесной связью друг с другом.

Однако о полном соответствии критериев выбора причастного способа оформления и критериев второстепенности предикаций говорить, разумеется, нельзя. Такого рода закономерности соблюдаются чаще всего не сто процентно, и вообще употребление ш-причастий могло быть и не всегда связано факторами второстепенности. Вероятно, в действие могли вступать определенные традиции использования причастий в книжном языке, не имеющие синхронного объяснения. Результаты данного исследования также подтверждают, что синонимичные глаголы обнаруживают похожие критерии распределения предикаций на причастные и финитные.

Л и т е р а т у р а

Алексеев 1987 — А. А. Алексеев. *Participium activi в русской летописи: особенности функционирования* // *Russian Linguistics*. Vol. 11. 1987. С. 187—200.

Белоруссов 1899 — И. М. Белоруссов. Дательный самостоятельный падеж в памятниках церковно-славянской и древнерусской письменности // *Русский филологический вестник*. Т. 41. Варшава, 1899. С. 71—146.

Борковский 1949 — В. И. Борковский. *Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение)*. Львов, 1949.

- Борковский, Кузнецов 1965 — В. И. Б о р к о в с к и й, П. С. К у з н е ц о в . Историческая грамматика русского языка. М., 1965.
- Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к . Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом находок 1995—2003 гг. М., 2004.
- Истриня 1923 — Е. С. И с т р и н а . Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи // Известия Отделения русского языка и словесности. 1923—1926. Т. 24. Кн. 2. С. 1—172; Т. 26. С. 207—239.
- Лопатина 1978 — Л. Е. Л о п а т и н а . Второстепенное сказуемое // Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение / Под ред. В. И. Борковского. М., 1978. С. 102—118.
- НПЛ 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М.; Л., 1950.
- Падучева 1996 — Е. В. П а д у ч е в а . Семантические исследования. М., 1996.
- Падучева 2001 — Е. В. П а д у ч е в а . Высказывание и его соотнесенность с действительностью. 2-е изд. М., 2001.
- Потебня 1958 — А. А. П о т е б н я . Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. М., 1958.
- Сабенина 1978 — А. М. С а б е н и н а . Дательный самостоятельный // Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение / Под ред. В. И. Борковского. М., 1978. С. 417—432.
- Сахарова 2005 — А. В. С а х а р о в а . Причастные обороты в древнерусской летописи: содержательные параметры их употребления для глаголов восприятия // Рус. яз. в науч. осв. № 10 (2). 2005. С. 250—266.
- Сахарова 2007а — А. В. С а х а р о в а . К вопросу о pragматических критериях распределения предикаций на причастные и финитные в древнерусской летописи // Рус. яз. в науч. осв. № 13 (1). 2007. С. 85—113.
- Сахарова 2007б — А. В. С а х а р о в а . Содержательные параметры употребления причастий в древнерусской летописи для некоторых стативных глаголов // ВЯ. № 2. 2007. С. 108—126.
- Сахарова 2010 — А. В. С а х а р о в а . К вопросу о дискурсивных функциях причастных конструкций в русской летописи // Russian Linguistics. Vol. 34. № 1. 2010. С. 87—111.
- Сахарова 2011 — А. В. С а х а р о в а . Содержательные параметры употребления кратких причастий в русской летописи для глаголов движения // Рус. яз. в науч. осв. № 2. 2011. С. 89—115.
- Сл. ДРЯ XI—XIV вв. — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1988—.
- Сл. РЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—.
- Срезневский 1903 — И. И. С р е з н е в с к и й . Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. Т. 2. СПб., 1903. С. 1277.
- Успенский 2002 — Б. А. У с п е н с к и й . История русского литературного языка (XI—XVII вв.). М., 2002.
- Chafe 1987 — W. Chafe. Cognitive constraints on information flow // R. S. Tomlin (ed.). Coherence and Grounding in Discourse: Outcome of Symposium, Eugene, Oregon, June 1984. (Typological Studies in Language. Vol. 11.) Amsterdam (Phil.), 1987. P. 21—51.
- Dry 1981 — H. Dry. Sentence aspect and the movement of the narrative time // Text. Vol. 1. № 3. 1981. P. 233—240.

- Dry 1983 — H. Dry. The movement of narrative time // *Journal of Literary Semantics*. XII/2. 1983. P. 19—53.
- Fleischmann 1985 — S. Fleischmann. Discourse function of tense-aspect opposition in narrative: Toward a theory of grounding // *Linguistics*. Vol. 23. 1985. P. 851—882.
- Givón 1984 — T. Givón. *Syntax: a functional typological introduction*. Vol. 1. Amsterdam (Phil.), 1984.
- Hopper 1979 — P. J. Hopper. Aspect and foregrounding in discourse // T. Givón (ed.). *Discourse and Syntax*. New York, 1979. P. 213—241. (Syntax and Semantics. Vol. 12).
- Lakoff 1984 — R. Lakoff. The pragmatics of subordination // Proceedings of the X Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society. 1984. P. 481—549.
- Matthiesen, Thompson 1988 — C. Matthiesen, S. A. Thompson. The structure of discourse and «subordination» // Haiman and S. A. Thompson (Eds.) *Clause combining in Grammar and Discourse*. (Typological Studies in Language. Vol. 18) Amsterdam (Phil.), 1988. P. 275—329.
- Polanyi, Hopper 1981 — L. Polanyi, P. J. Hopper. A revision of the foreground-background distinction: Paper presented at the 1981 Winter meeting of the Linguistic Society of America. [Электронный ресурс]. Доступ: <http://eserver.org/langs/polanyi-hopper1981.hqx> [21.6.2000], свободный.
- Reinhart 1984 — T. Reinhart. Principles of gestalt perception in the temporal organization of a narrative text // *Linguistics*. Vol. 22. № 6. 1984. P. 779—809.
- Tomlin 1985 — R. S. Tomlin. Foreground-background information and the syntax of subordination: Evidence from the English Discourse // *Text*. Vol. 5. № 1/2. 1985. P. 85—122.
- Tomlin 1986 — R. S. Tomlin. The identification of the foreground-background information in on-line descriptive discourse // *Papers in Linguistics*. Vol. 19. 1986. P. 465—494.
- Večerka 1961 — R. Večerka. *Syntax aktivních partiicií v staroslověnštině*. Praha, 1961.
- Wårvik 2002 — B. Wårvik. On grounding in narrative: a survey of models and criteria. (English Departement Publications. Vol. 5) Turku, 2002.

A. V. SAKHAROVA

PARAMETERS OF MEANING GOVERNING THE USE OF SHORT PARTICIPLES IN THE RUSSIAN CHRONICLE FOR SOME CAUSATIVE VERBS

The article reports the results of an investigation of the parameters of the choice between finite verb forms and short participles of some verbs in the Novgorod I chronicle (younger recension). The use of short participles in the chronicle is shown to be conditioned in many cases by discourse features typical of backgrounded predicative units. However, there is no complete correspondence between the criteria for choosing a participle construction and the criteria for the backgroundedness of the predicative unit. It is also suggested that peculiarities of the use of the movement verbs in the Novgorod chronicle reflect the interaction between the tradition of exemplary texts and the spoken language.

Keywords: historic syntax, Russian language, pragmatics, converb, short participle, chronicle.